

Л.И. Сосковец

ДЕСТАЛИНИЗАЦИЯ И ПОЛИТИКА ХРУЩЕВСКОГО РУКОВОДСТВА В ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ СФЕРЕ

Тема статьи, несмотря на обилие публикаций по ней, по-прежнему представляется очень актуальной. Последнее обусловлено рядом факторов.

Прежде всего, тема очень сложна и многоаспектна. Она дискуссионна: авторы, обращавшиеся к исследованию состояния церковно-религиозной ситуации в стране в 1950–1960-е гг., дают самые различные, нередко противоположные, оценки политики государства и партии в данной сфере, ее целям, направленности и результатам. Кроме того, в большинстве исследований внимание сосредоточено на государственно-церковных отношениях, под которыми понимаются преимущественно взаимоотношения государства и Русской православной церкви¹. Положению иных конфессий в СССР уделяется гораздо меньше внимания. Перекос в сторону анализа положения РПЦ, с одной стороны, понятен: самая многочисленная конфессия, институционально выстроенная, основной идеологический конкурент ВКП(б)/КПСС. С другой стороны, налицо устоявшаяся даже в научном сообществе тенденция игнорировать меньшинства, в данном случае религиозные.

Интерес к представленной теме вызывается и тем обстоятельством, что линия государства в отношении церкви и верующих, будучи в целом весьма типичной для всех лет советской власти, тем не менее контрастировала с общим политическим контекстом, который, при всей его противоречивости и непоследовательности, именуется «политической оттепелью» и характеризуется определенной либерализацией.

¹ См.: Одинцов М. Государство и церковь в России: XX век. М., 1994; Шкаровский М. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005; Васильева О.Ю. Романтик Хрущев и его «церковная реформа». URL: <http://foma.ru/romantik-xrushhev-i-ego-czerkovnaya-reforma.html>

Кроме того, за период правления Н.С. Хрущева политика в религиозной сфере претерпела существенные изменения, поэтому нельзя ее рассматривать как жесткую на протяжении всего периода нахождения его у власти. Тем более считать, что она нанесла религиозным объединениям урон, едва ли не превышающий издержки репрессивной политики периода сталинского руководства, и это утверждение, на котором настаивают многие проправославные авторы не только из числа публицистов, но и даже отдельных маститых историков, объективно неверно.

В отношении религии, церкви и верующих политика государства и коммунистической партии, возглавляемых Хрущевым, может быть условно разделена на два этапа. Первый (1953–1958 гг.) ознаменовался попыткой усилить идеологическое наступление на религию как форму общественного сознания и церковно-религиозные институты – как способ организации верующих и духовенства. Это намерение было изложено в Постановлении ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения»².

Партия, констатировав факт плохой организации научно-атеистической пропаганды в стране, потребовала покончить с пассивностью в этом деле. Надо полагать, что развернувшаяся после данного постановления антирелигиозная работа приобрела такой характер, что ЦК КПСС через короткое время вынужден был принять еще один акт. Так, в принятом 10 ноября 1954 г. Постановлении «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» ЦК указал, что в ходе антирелигиозной работы повсеместно допускались оскорбления чувств верующих, что она приобретала нередко характер административного произвола, что, дескать, недопустимо в стране, где провозглашен принцип свободы совести³. Понятно, что подобные заявления не были по-настоящему искренними, но все-таки в этот период партия намеревалась бороться с религией по преимуществу в форме пропагандистского наступления.

Кроме того, следует помнить, что начавшаяся кампания по реабилитации осужденных в период сталинских репрессий, освобождение их из лагерей и тюрем, позитивно сказалась на деятельности многих церквей и религиозных объединений. Вернувшиеся из заключения и ссылки священники, проповедники, пресвитеры, религиозные активисты и рядовые верующие значительно пополнили ряды своих общин, повысили качество руководства и проповедничества. Так,

² См.: О религии и церкви. М.: 1981. С. 69–75.

³ Там же. С. 75–80.

были освобождены и смогли приступить к религиозной деятельности крупные иерархи РПЦ, которых не коснулась «сталинская либерализация» и которые стали известными моральными авторитетами для верующих в 1950–1960-е гг.: епископы Ермоген (Голубев), Вениамин (Новицкий) и др.

Особо следует отметить факт, о котором мало пишут в литературе, касаясь религиозной ситуации в стране в 1940–1954 гг., а именно о том, что на период середины 1950-х гг. приходится возрождение протестантских церквей и конфессий на территории СССР. В том числе заметно активизировались и восстановили свои общины меннониты, лютеране. Это было связано с массовой реабилитацией лиц немецкой национальности и их религиозных проповедников. Оживились общины адвентистов Седьмого дня, пятидесятников и некоторых других вероисповеданий.

Таким образом, если определенное возрождение РПЦ, создание церкви евангельских христиан-баптистов пришлось на вторую половину 1940-х гг., то в эпоху Хрущева со второй половины 1950-х гг. смогли воссоздаться объединения тех конфессий, которые «сталинская либерализация» никак не затронула. К тому же и при Сталине, и при Хрущеве, и в целом в период существования советской власти в СССР имелись религиозные организации, существование которых было официально запрещено: ИПХ-ИПЦ, Свидетели Иеговы, мурашковцы и некоторые другие.

Широкомасштабная антирелигиозная пропаганда всегда являлась одним из способов борьбы с религией, верой и верующими. Однако в 1950-е гг. произошли определенные изменения в ее теоретических обоснованиях. На место оголтелого отрицания всего положительно в религиозной вере планировалось поставить антирелигиозную пропаганду и вести ее как идеологическую борьбу между материалистическими научными взглядами и идеалистическим антинаучным религиозным учением. Предлагалось от исключительного бичевания религии и церкви перейти к жанру научного просветительства.

Эта установка определялась тезисом, что в связи с успешным строительством социализма в СССР была ликвидирована социальная база церкви и религии, а большинство ее служителей отказались от контрреволюционных позиций, стали позитивны по отношению к советской власти. Поскольку Русская Православная Церковь (РПЦ) и некоторые другие церкви демонстрировали лояльность и даже преданность Советскому государству, то не стало особого смысла часто ссылаться на их антисоветские и враждебные позиции. Правда, при этом никто не запрещал припоминать им верную службу царскому режиму, их позиции по отношению к свободомыслию и другую историческую вину.

Но в партийной пропаганде акцентировалась идея, что лояльность церкви, ее патриотизм были лишь результатом стремления выжить и приспособиться к некомфортным для религии и церкви условиям советского общественно-политического строя. Власть подчеркивала, что идейных компромиссов не будет, даже сервильное отношение церкви к государству не защитит ее от критики.

Таким образом, очевидно, что для хрущевского партийно-государственного руководства задача борьбы с религией и церковью оставалась приоритетной, но первоначально она предполагала идейную дискредитацию и крушение религии и ее институтов. Между тем в партийно-государственном руководстве существовали разные точки зрения, каким образом и как быстро следовало дальше решать религиозный вопрос в стране. В итоге к концу 1950-х гг. возобладала линия на его быстрейшее разрешение.

В октябре 1958 г. Секретариат ЦК КПСС принял Постановление «О недостатках научно-атеистической пропаганды». В нем снова было подчеркнуто, что атеистическая пропаганда повсеместно запущена, в то время как религиозные организации заметно оживили свою деятельность. Секретариат бил тревогу, что усилилась миссионерская деятельность религиозных объединений, что они развернули широкую подготовку кадров, увеличивали свои доходы от продажи предметов культа. Духовенство было обвинено в корысти: оно улучшало свое материальное положение, используя патриотические чувства верующих.

Еще более серьезными стали обвинения в нарушении религиозными организациями законодательства о культах. Это, как отмечалось, проявлялось в том, что духовенство стало незаконно организовывать специальные группы верующих для изучения религиозной литературы, участились случаи приобщения детей к религии, шло строительство и открытие новых молитвенных зданий и т. д. Более того, как следовало из Постановления, стали создаваться запрещенные группы сектантов, которые вели антисоветскую деятельность, а руководители религиозных центров использовали для антисоветской работы лиц, возвратившихся из мест заключения. Вновь открыто заговорили о связях религиозных активистов с идеологическими центрами Запада⁴.

Таким образом, тон в оценке религиозных организаций вновь становился обвинительно-угрожающим. Были отброшены звучавшие ранее, хотя и фальшиво, призывы не оскорблять религиозных чувств,

⁴ ЦДНИ ТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 2650. Л. 13–15.

отказаться от проявления политического недоверия духовенству, применения административных методов.

Далее последовала серия партийно-государственных постановлений и мер по их осуществлению, которые совокупно и означали новое наступление на религиозные организации, в первую очередь на РПЦ. Именно по ней наносился самый серьезный организационно-экономический удар, но, конечно, и другие легально признанные церкви и объединения попали под очередную антирелигиозную волну.

Как отмечают многие исследователи, с этого времени политика партии и государства по отношению к церкви осуществлялась по нескольким целевым направлениям: 1) началось сокращение церковно-приходской и монастырской сети путем закрытия церквей и монастырей и роспуска общин; 2) имело место финансово-экономическое удушение приходов и церквей (постановления Совета Министров СССР «О свечном налоге» и «О монастырях в СССР» от 16 октября 1958 г.); 3) уменьшалось количество духовных учебных заведений и сокращалась численность служителей культа; 4) активизировалось вмешательство в административно-управленческую деятельность церкви; 5) велась широкая антирелигиозная пропаганда⁵.

Если в 1959 г. в стране насчитывалось 13 324 действовавших приходов РПЦ, большая часть из которых была открыта в период с 1943 по 1948 г., то затем их численность ежегодно стала уменьшаться и достигла в 1965 г. 7551 молитвенного дома⁶, т. е. за шесть лет сократилось более чем на 44%.

Под ударом оказались и православные монастыри, которых по сравнению с дореволюционным периодом было не так уж и много – всего 40. К 1968 г. их осталось 12. Ликвидация обителей обеспечивалась разными способами: элементарным закрытием-разгоном, слиянием в один-два или несколько монастырей. И все это становилось результатом административных решений и подрыва материально-экономической базы монастырей: уменьшались площади земель, принадлежавших монастырям, увеличивался налог на оставшуюся землю, Патриархии запретили выдавать дотации монастырям. Кроме того, отныне монастыри не могли нанимать людей для возделывания принадлежавших им угодий, принимать в монастырь людей моложе 30 лет, пресекались разъезды по стране монахов для сбора средств.

⁵ См.: Панков Г. О политике советского государства в отношении Русской православной церкви на рубеже 50–60-х годов // Религия и демократия. М., 1993. С. 218–224.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 1. Д. 2041. Л. 2.

Еще одним церковным институтом, который значительно пострадал с конца 1958 г., стала система подготовки православного клира. Закрывались духовные семинарии, ужесточились правила приема в уцелевшие: урезание стипендий, прекращение заочного обучения, запрет на прием лиц с высшим образованием, тех, кто не служил в армии.

К середине 1960-х гг. из восьми семинарий РПЦ, имевшихся в середине 1950-х гг., осталось только три. А количество семинаристов в них с 1958 по 1964 г. сократилось в 44 раза⁷. Одновременно с ликвидацией церквей, снятием с регистрации общин, закрытием семинарий государство решало еще одну важную для себя задачу – значительного сокращения остававшихся на духовной службе священников. Это достигалось снятием их с официальной регистрации, без которой священник не мог выполнять свои обязанности, не нарушая закона. Так, по отчетам Совета по делам Русской Православной Церкви, в 1958 г. были лишены регистрации 189 клириков, в 1960 г. – 1002 человека⁸. Поводов для снятия с регистрации у уполномоченных Совета по делам РПЦ было много: если распускалась община; если закрывался храм; если священника обвиняли в финансовых нарушениях, в отступлениях от положений законодательства о культурах и др.⁹

В марте 1961 г. Совет Министров принял Постановление «Об усилении контроля за выполнением советского законодательства о культурах». Оно обязывало местные органы власти в лице советов депутатов провести учет религиозных организаций (зарегистрированных и незарегистрированных), молитвенных зданий (снятых с регистрации и действовавших), зафиксировать размеры имущества, которое находилось в распоряжении религиозных объединений¹⁰. Начавшаяся в связи с выполнением данного постановления кампания преследовала две основные цели: найти повод для закрытия молитвенных зданий и, соответственно, снятия с регистрации общин или, если первое не удастся, провести очередную конфискацию денежных средств и имущества. Цели эти были в значительной степени выполнены.

Оставшиеся в результате антицерковной атаки 1958 – начала 1960-х гг. зарегистрированные приходы и священники не были оставлены без внимания государства, возможности для их жизнедеятель-

⁷ См.: Панков Г. Указ. соч. С. 222.

⁸ ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 25. Л. 118.

⁹ См.: Постановление ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культурах» // ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 47. Л. 14–25.

¹⁰ ГАТО. Ф. Р-1786. Оп. 1. Д. 9. Л. 28–29.

ности постоянно ограничивались: увеличивались налоги; вводилась квитанционная система регистрации обрядов; священники переводились на «твердые» оклады; расширилось вмешательство во внутри-приходскую жизнь.

Уполномоченные прилагали немало усилий, чтобы собрать «компромат» на церковников и общинных активистов, внести смуту и раздор во внутриобщинные отношения. Апогеем вмешательства государства во внутрицерковные дела стало разработанное в недрах Совета по делам РПЦ и принятое под его давлением Архиерейским Собором Положение об управлении Русской Православной Церкви» (июль 1961 г.).

Многие специалисты оценивают появление этого документа едва ли не как самый серьезный урон для РПЦ, поскольку он вызвал принципиальное изменение действовавшей системы управления приходскими общинами. В результате перестройки этой системы произошел разрыв внутренней, канонически обоснованной связи духовенства с паствой. Если коротко, то прежде настоятель руководил вверенной ему общиной верующих, то отныне духовенство было отстранено и от финансово-хозяйственной деятельности, и от реальной административной власти в приходах. Последняя была передана исполнительным органам религиозных объединений. Выборы же таких органов проходили под давлением уполномоченных, что часто приводило в церковный актив людей, далеких от представлений об истинном верующем. Такие исполкомы общин больше подчинялись гражданской власти в лице уполномоченного, проводили в жизнь их инструкции. Все это тоже разрушало общины, но теперь изнутри.

Таким образом, с конца 1950-х гг. государство и партия успешно организовали и провели очередную кампанию, направленную на ликвидацию религии, церквей и религиозных объединений. Повсеместно в литературе подчеркивается, что основной целью этой компании стала Русская Православная Церковь. С этим трудно спорить, но хотелось бы подчеркнуть, что и все остальные конфессии и их организации подверглись столь же сильной атаке.

От массового снятия общин и священнослужителей с регистрации и закрытия молитвенных домов пострадали все конфессии, которые не были официально запрещены: церковь евангельских христиан-баптистов, католическая и старообрядческая церкви, мусульманство. У всех у них в 1940-е гг., в период сталинской «либерализации» в религиозной сфере, восстановлено и зарегистрировано было многократно меньшее количество общин и молитвенных домов, а антирелигиозная кампания периода «хрущевского наступления» довели это количество до предельного минимума. Например, в те годы закрыли

свыше 43 % мечетей, действовавших ранее, 69 католических костелов, 69 лютеранских храмов, 27 синагог¹¹.

Значительная часть религиозных объединений, именовавшихся сектантскими, вообще не имели официального статуса в государстве. Большинство протестантских общин, равно как и мусульманских, католических, старообрядческих, иудейских, не имели регистрации, а потому их существование было незаконным, и, соответственно, вся их деятельность была таковой. Поэтому в борьбе с ними применялся еще больший набор средств, в том числе постоянное административное и уголовное преследование.

Масштабы гонений на РПЦ были, конечно, самыми значительными, и не только потому, что она более, чем остальные конфессии, была восстановлена в предыдущий период. Церковь имела, хотя и ненадежное, но официальное признание, строгую иерархическую структуру, определенный авторитет и наибольшее число приверженцев. К середине 1950-х гг. она укрепилась материально, воссоздала приходы и храмы, имела опытный корпус служителей, осуществляла, хотя и неполноценную, но насыщенную богослужебную деятельность.

Получалось, что за 40 лет советской власти партия так и не смогла справиться с основной религиозной организацией страны. Понятно, что это было своеобразным вызовом для партии, которая никогда не скрывала и не отказывалась от планов уничтожения религии и церкви в стране. Можно полагать, что очередной удар по РПЦ мог быть «образцово-показательным».

При этом поскольку так поступают с основной разрешенной церковью, чье руководство с 1927 г. демонстрировало лояльность и своеобразную преданность правящему режиму, то представителям иных конфессий и вовсе не было смысла ожидать милости со стороны государства.

Вместе с тем нельзя полностью согласиться с теми авторами, которые пишут, что: хрущевская кампания гонений на РПЦ была самым тяжелым периодом в ее новейшей истории; она нанесла церкви непоправимый урон; это была новая «война» против церкви; хрущевская «оттепель» обернулась «лютými заморозками» для православной церкви и т.д. Разве можно сравнить разгром церкви в 1920–1930-е гг. с тем, что случилось в 1950–1960-е? Разве можно сравнить сталинские массовые физические репрессии против духовенства и мирян с преследованием священников во времена правления Хрущева?

¹¹ Данные из доклада заместителя председателя Совета по делам религий В. Фурова на совещании Совета в 1969 г. См.: ЦХАФ АК. Ф. 1692. Оп. 1. Д. 199. Л. 36.

И все же причины столь серьезного натиска на все религиозное и церковное требуют объяснения. Ясно, что сама по себе жесткая антицерковная политика коммунистического руководства не являлась чем-то новым и необычным. В хрущевский период продолжалась осуществляться генеральная линия коммунистической партии на ликвидацию всех религиозно-церковных институтов, искоренения религиозного мировоззрения в любом ее проявлении. Парадокс антирелигиозной борьбы в тот период заключается в том, что, во-первых, она развернулась после относительно спокойных, в частности для РПЦ, лет государственно-церковных отношений, которые стали результатом сталинской политики 1943–1948 гг., и, во-вторых, времена общественной «оттепели» вовсе не диктовали необходимость начала столь оголтелой кампании против религии, церкви, верующих.

Причины указанных нападков могут объяснить несколько факторов, таких как: Хрущев стремился утвердить и подтвердить личную власть в партии и государственном руководстве (властный фактор); власть противилась укреплению альтернативной идеологии (идеологический фактор); власть не могла допустить укрепления материального положения РПЦ, поэтому устроила очередное ее ограбление (экономический фактор).

Имеют распространение и конспирологические теории. Заслуживают внимание две основные причины, в логике которых наиболее убедительно выглядит объяснение церковно-религиозных гонений. Борьба с окрепшими религиозными объединениями понималась Хрущевым как очевидный вариант десталинизации, отказа от сталинской политики, позволившей воссоздаться некоторым религиозно-церковным структурам. Да и реформаторская логика строителей коммунизма требовала быстрого и бескомпромиссного решения религиозного вопроса в СССР.

Кстати, после смещения Н.С. Хрущева преследование религиозных организаций, как могло показаться, прекратилось. Но это было не так. В очередной раз сменилась тактика антирелигиозной борьбы. От бесцеремонного закрытия молитвенных домов перешли к более тонким методам лишения приходов и религиозных общин регистрации.

При Л.И. Брежнев не было отменено ни одного антицерковного мероприятия предшественника. В последующие годы численность зарегистрированных приходов РПЦ и других конфессий постоянно уменьшалась. Ужесточалось уголовное законодательство по отношению к духовенству и верующим. Государство беспощадно преследовало баптистов-раскольников и диссидентов из религиозной среды. Появление тех и других было новым явлением в религиозной жизни страны и стало одним из результатов хрущевской «оттепели».